

Пазухина Светлана Вячеславовна

почетный профессор Российской академии образования,
член-корреспондент Российской академии естествознания,
член Общероссийской общественной организации «Федерация психологов
образования России», д-р психол. наук, доцент,

заведующая кафедрой, доцент

Макарова Марина Антоновна

студентка

ФГБОУ ВО «Тульский государственный

педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, Тульская область

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДИКТОР ПОДВЕРЖЕННОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема взаимосвязи виктимного поведения и подверженности личности экстремистской идеологии. Целью исследования выступает теоретический анализ виктимности как одного из ключевых социально-психологических предикторов, обуславливающих уязвимость индивида перед целенаправленным деструктивным информационным воздействием. В работе уточнено понятие виктимного поведения в контексте экстремистской активности и проанализированы психологические механизмы, обуславливающие формирование готовности к принятию радикальных установок у людей с позицией жертвы. Сделан вывод о необходимости учёта виктимологических характеристик личности при разработке диагностических и профилактических мероприятий в сфере противодействия идеологии экстремизма.*

***Ключевые слова:** виктимность, виктимное поведение, экстремистская идеология, радикализация, жертва, манипуляция, профилактика экстремизма.*

Актуальность исследования взаимосвязи виктимного поведения и подверженности экстремистской идеологии определяется трансформацией современных угроз общественной безопасности. В условиях цифровизации и глобализации радикальные группы всё активнее используют манипулятивные технологии для вовлечения новых adeptов, причём мишенями такого воздействия становятся лица, уже находящиеся в уязвимой психологической позиции. Традиционно экстремистская деятельность изучалась через призму идеологической обработки, социально-экономической депривации или кризиса идентичности, тогда как виктимологический подход, фокусирующийся на личностных предпосылках превращения человека в жертву, до недавнего времени оставался на периферии исследовательского внимания. Между тем накопленные эмпирические данные позволяют утверждать, что именно виктимное поведение, понимаемое как устойчивый паттерн дезадаптивного реагирования, может служить надёжным предиктором подверженности радикальной пропаганде.

Под виктимностью понимается совокупность свойств человека, обусловленных комплексом социальных, психологических и биофизических условий, способствующих дезадаптивному стилю реагирования субъекта, приводящему к ущербу для его физического или эмоционально-психического здоровья [4]. Виктимное поведение, в свою очередь, представляет собой отклонение от норм безопасного поведения и реализуется в совокупности социальных, психических и моральных проявлений. Принципиально важно, что экстремистско-террористические отношения могут быть активированы лишь при наличии виктимной подсистемы, основным элементом которой выступает виктимная личность [4]. Иными словами, деструктивная идеология находит питательную среду именно в тех индивидах, чьи психологические характеристики ещё до момента вербовки имеют выраженные виктимогенные черты.

Анализ научной литературы, проведённый в рамках проблемного поля виктимологии экстремизма, позволил выявить ряд социально-психологических детерминант, выступающих предпосылками виктимизации и, как следствие, факторами риска вовлечения в экстремистскую деятельность. В их числе: опыт

абуза, включая буллинг, состояние фрустрации наиболее актуальных психологических потребностей, кризис идентичности, слабая субъектная позиция, которая непосредственно формирует виктимность [2]. Особого внимания заслуживает такая детерминанта, как суррогатное удовлетворение психологических потребностей – основная стратегия поведения и одновременно предпосылка аддикции [2]. Перечисленные характеристики создают благоприятную почву для манипулятивного воздействия: человек, ощущающий собственную ущемлённость и неспособность контролировать жизненную ситуацию, обнаруживает повышенную сенситивность к внешним обещаниям восстановления справедливости, обретения смысла и принадлежности к сильной группе – именно тех благ, которые активно транслируют экстремистские лидеры.

Виктимное поведение способно проявляться в особой форме, когда индивид намеренно провоцирует других людей, склонных к агрессивным действиям, иными словами, специально вызывает по отношению к себе грубость, злость, насилие [6]. В контексте экстремистской деятельности данная характеристика приобретает особое значение: провоцирующее поведение в цифровой среде, включая участие в конфликтных обсуждениях и демонстративное нарушение групповых норм, увеличивает вероятность попадания в поле зрения вербовщиков. Современные исследования подчёркивают, что виртуальная информационная среда создаёт дополнительные условия для виктимизации. Техническая опосредованность, дистанционность, условная анонимность и, как следствие, относительная безопасность непосредственным образом влияют на характер восприятия, осмысления и действий человека в сети [5]. Чувство мнимой безопасности общения в информационном пространстве способствует более рискованному поведению пользователя, что делает процесс виктимизации (перехода лица из потенциальной жертвы в жертву реальную) ещё более вероятным [5].

Психологический механизм, связывающий виктимность с подверженностью экстремистской идеологии, может быть описан через понятие виктимогенного потенциала. Данная категория включает в себя состояние индивидуальной и групповой виктимизации в конкретный исторический момент, процесс

виктимизации, виктимологическую стимуляцию и функциональный механизм соотношения «жертва – преступник» [4]. Любой индивид потенциально виктимен, поскольку, находясь в определённой жизненной ситуации, может стать жертвой преступления, то есть не приобретает виктимность, а просто не может быть невиктимным [4]. Однако реализация виктимогенных качеств во многом зависит от наличия конкретной ситуации риска. Экстремистская пропаганда искусственно конструирует такую ситуацию, предлагая виктимной личности готовую интерпретационную схему: причина страданий и неудовлетворённости переносится на внешнего врага, а в качестве единственного способа преодоления навязывается радикальное действие. Срабатывает механизм, при котором человек из пассивной жертвы обстоятельств превращается в активного субъекта насилия, при этом субъективно он продолжает воспринимать себя именно как жертву, восстанавливающую поправленную справедливость [7].

Особого внимания заслуживает феномен трансформации жертвы экстремистского воздействия в экстремиста, наблюдаемый преимущественно в условиях киберпространства. Психологическими предпосылками такой трансформации служат определённые личностные «дефекты», приводящие к виктимогенной деформации, а также биофизиологические свойства человека, обуславливающие повышенную внушаемость и сниженную критичность к поступающей информации [4]. Вербовщики целенаправленно эксплуатируют эти особенности, выстраивая поэтапную индукцию: первоначально потенциальная жертва получает эмоциональную поддержку и принятие, затем ей предлагается объяснение её проблем через идеологический нарратив, и, наконец, формируется готовность к конкретным действиям. Предложенная в современной науке интегративная модель виктимологии терроризма подчёркивает, что эффективная профилактика возможна только при комплексном учёте психологических, социальных и информационных факторов, влияющих на процесс виктимизации [7]. Коррекция виктимного поведения должна предшествовать идеологическому противодействию, поскольку именно психологическая уязвимость открывает дорогу для усвоения радикальных идей.

С практической точки зрения признание виктимного поведения предиктором подверженности экстремистской идеологии открывает дополнительные возможности для диагностической и профилактической работы. Слабая субъектная позиция, фрустрированность базовых потребностей, опыт перенесённого насилия и склонность к провоцирующему поведению могут рассматриваться как диагностические маркеры, позволяющие выявлять потенциальных адептов радикальных идеологий ещё на этапе, предшествующем непосредственному вовлечению [2]. Профилактические программы должны включать компоненты, направленные на укрепление субъектности, развитие критического мышления и формирование адаптивных стратегий совладания с фрустрацией, что позволит снизить виктимогенный потенциал личности и, как следствие, её восприимчивость к деструктивным манипуляциям.

Статья опубликована в рамках выполнения государственного задания Минпросвещения России на оказание государственных услуг (выполнение работ) №073-00098-26-02 от 17.02.2026 года.

Список литературы

1. Вершинин М.В. Психологические особенности личности членов деструктивных и террористических групп / М.В. Вершинин // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42. №5. – С. 78–89.
2. Ефремова О.Н. Социально-психологические детерминанты вовлечения молодёжи в экстремистские организации / О.Н. Ефремова, Н.Н. Ростова // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2022. – №2. – С. 37–47.
3. Иоголевич Н.И. Профилактика профессиональной виктимизации: теоретические и прикладные аспекты / Н.И. Иоголевич, В.А. Иоголевич // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2020. – Т. 20. №4. – С. 88–94.
4. Матусевич А.М. Психологические аспекты виктимности / А.М. Матусевич, Л.В. Кубышко // Молодой ученый. – 2014. – №8 (67). – С. 924–927. EDN SFSAML

5. Суслов Ю.Е. Виктимологические признаки потенциальной трансформации жертв экстремистского воздействия в экстремистов в условиях киберпространства / Ю.Е. Суслов // Виктимология. – 2023. – №3. – С. 112–124.

6. Тарасов В.Ю. Предупреждение распространения идей экстремизма и терроризма в сети Интернет / В.Ю. Тарасов // Виктимология. – 2023. – №1. – С. 45–56. DOI 10.47475/2411-0590-2023-10110. EDN KOBFFF

7. Черявко Е.Д. Интегративная модель виктимологии терроризма: междисциплинарный подход / Е.Д. Черявко, Э.Т. Майборода // Психология и право. – 2026. – Т. 16. №1. – С. 223–239. DOI 10.17759/psylaw.2026160114. EDN WHRIBX